

Лидия МАНЧУРИНА

СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЕ КОНСТРУКЦИИ УСТНОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА ЯКУТСКИХ АЛГЫСОВ: *ОБРАЩЕНИЯ*

Мақалада якут ауыз әдебиетіндегі поэтикалық синтаксис құрамындағы көркемдік тәсілдердің бірі – алғыс-қаратпалардың ауыз әдебиетінің жанрлық стилін айқындаушы және оның анықтауыштық құрылымдарды байланыстырушы әдіс ретіндегі қызметтері айтылады. Соңдай-ақ оның қолданылу жиілігіне де талдау жасалады.

Makalede Saha Türklerindeki 'alkış' olgusunun konuşma dilindeki yapıncılık poetik tasvir, kurulumundaki özellikler ile statistik tabanlı olarak değerlendirilmiştir.

Таким образом обращения, усложненные сложными распространенными определительными конструкциями (эпитетами) передают: 1) модальное значение восторженно-почтительного отношения говорящего (алгысчыта); 2) структурно-композиционную функцию зачина алгыса; 3) художественно-образительную функцию описания объекта обращения; 4) их лексика носит скрытый, сакральный смысл. Все это делает стиль алгыса возвышенным, торжественно-поэтическим.

Язык алгыс, в частности, и фольклора, в целом, имеет характерные структурные особенности и ни с чем не сравнимые художественно-образительные возможности. В разное время исследователями отмечены сложно построенная синтаксическая конструкция, “которую можно назвать периодом” [1. 345.], параллелизм синтаксических конструкций [1. 149], которая создает особую ритмику устной поэтической речи, [2. 163; 3. 30-35; 4. 25-32], насыщенность застывшими стереотипными формулами и выражениями, часто имеющими символический, сакральный смысл [5. 209], сложные определительные конструкции (эпитеты), являющиеся “абсолютно доминирующим видом семантико-синтаксической связи слов в якутском фольклоре” [6. 208]. Как известно, вся эта особенность синтаксиса делает язык фольклора красочным, художественно организованным, образно целостным, а стиль высоким, поэтическим или торжественно-эпическим.

Язык алгыс, несомненно, имеет все эти особенности, которые являются общими для всей фольклорной поэзии. Однако, алгыс имеет и свои характерные лингвистические черты, которые определяют его стиль, как отдельного фольклорного жанра. Алгыс это “различные виды произведения обрядовой поэзии – благопожелания, благословения, молитвы, заговоры, заклинания и гимны” [7, 16], который относится “к числу таких же, как олонхо, старинных форм поэтического творчества якутов” [5, 12]. Это синкретичный жанр, являющийся “поэтическим сопровождением большей

части традиционных обрядов, адресованных различным божествам, сверхъестественным существам – духам-иччи с целью умилостивить жертвоприношением, выпросить, вымолить их снисхождения” [2. 152]. Исходя из функциональных особенностей алгыса можно сказать, что текст алгыса это не просто набор лексических, грамматических, синтаксических единиц. Это, прежде всего, “подбор особо сильных слов”, “огромное скопление магических слов” [8], которые обладают мощной энергетикой, имеют сверхъестественную сущность. Поэтому исследование лингвистических основ и стиля алгыс невозможно провести в отрыве от функциональных назначений, коммуникативных задач и композиционно-структурных особенностей этого жанра. Также следует учитывать и сакральные свойства его языка.

Одной из особенностью языка алгыс можно назвать **обращение**, как модально-синтаксического явления. Обращения в алгысах дополнительно к синтаксическим функциям называния адресата и адресования речи [9. 184], имеют композиционно-структурную функцию. В композиционной структуре алгыс можно выделить три части: обращение, прошение и угощение, причем все три части алгыса предполагают “их строгое соблюдение” [10. 85].

Как известно, исполнитель или алгысчыт адресует свою речь разным божествам и духам-иччи, поэтому обращениями становятся их имена: *Юрюн Аар* (имя высшего верхнего божества), *Аан (Аал) Уххан* (дух-хозяин огня), *Аан Алахчын* (дух-хозяинка земли), *Иэйэхсит*, *Айысыт* (имена покровительниц семьи, детей), *Байанай* (дух-хозяин леса, охоты), *Ньааджы Ньанха* (дух-хозяинка хлева) и.т.д. Иногда в качестве обращения выступает слово *иччи* ‘дух-хозяин’ в притяжательной форме: *аал уот+ум иччи+тэ* ‘священного очага моего дух-хозяин’. Здесь уместно отметить, что оформление обращений притяжательной формой является “характерной морфологической особенностью” якутского языка [11. 224].

Имена божеств, духов обычно сопровождаются существительными с половозрастными, социальными характеристиками тойон ‘господин’, ‘глава семьи, хозяин *разг.*’ [12. 387], хотун ‘госпожа *уст.*’, ‘супруга, жена’ [12. 504], эбэ, эбэкэ ‘бабушка’, ‘бабка, бабушка *уст. эвф. вместо слов река, озеро, лес*’ [12. 535], эһэ, эһэкэ ‘дед, дедушка’, ‘*почтительное обращение к духу огня. уст.*’ [12. 548], эмээхсин ‘старуха, старая женщина’ (12. 541), оһонньор ‘старик, старец’, ‘почтенный, *почтительное обращение к старшему по возрасту*’ [12. 266]. Эти слова-этикетки носят регулятивный характер, здесь учитывается статус не только адресата, но и адресанта. Они (слова-этикетки) выражают почтенное, трепетное отношение алысчыта, его благоговение перед высшими божествами, духами, а их устарелое сейчас значение передает возвышенность стиля. Эмоционально-экспрессивный аффикс –ка (эбэ+кэ, эһэ+кэ) придает поэтическую стилизацию. Имена божеств+слова-этикетки становятся специфичными традиционными формулами речевого

этикета алгыс, которые отшлифованы и “существуют на протяжении многих веков” [13. 16].

В алгысах характерны и обращения-члены предложения и обращения-предложения (термин Н.Е. Петрова). По справедливому утверждению Н.Е. Петрова, предложения-обращения представляют собой одно из самых древних синтаксических явлений в якутском языке [11. 192]. Это свидетельствует и то, что обращения-предложения и обращения-члены предложения широко функционируют в таком древнем жанре фольклора, как алгыс.

Обращения-члены предложения и обращения-предложения в алгысах усложнены распространенными **определятельными конструкциями** (эпитетами), которые, как и во всей фольклорной поэзии, строятся по принципу синтаксического параллелизма. Согласно синтаксическим нормам тюркских и монгольских языков, определятельные конструкции в алгысах из олонхо стоят перед определяемым словом (перед именами божеств, духов). В нашей выборке алгысов из олонхо оказалось всего 8 обращений духу-хозяину огня, усложненные определятельными конструкциями, которые с небольшими вариациями, в основном, имеют формульные элементы:

1. Алаас сыһыы быһаһаһын саһа / Араһас таала холумтан дьаарбан+наах, / Уоттаах чох тэллэх+тээх / Сымнаһас сыттык+таах, / Сылаас кул суорһан+наах, / Эскэл тый быарын саһа / Эриэн таас эстэрий+лээх, / Хаардаах бутул саһа / Хардан от саһаһа+лаах, / Кытылыыр сылгы баһын саһа / Кыалыктаах хатаг+таах, / Суорба таас хайа саһа / Суостуганнаах суо-хаан / Оһоһо дугуйдам+мыг, / Аан дайдыны арчыл+ыыр / Аал уотум иччитэ – / Кырыа Бытык, / Кырык төбө, / Хатан Тэмизрийэ, / Аан Уххан / Тойон эһэм! / В половину поляны-алаас / с просторным ровным шестом, / с постелью из горящих углей, / с подушкой из мягкой золы, / теплой золой укрывающийся, / с печени двухлетнего жеребца, / с кремнем пестрым, / с кошну, покрытую снегом, / с растопкой из прошлогодней травы, / с голову четырехтравного коня / с огнивом в трутнице, / с отвесную скалу / в жаром обжигающем, / величаво-почтенном камельке осевший, / весь мир теплом своим согревающий, / живительного огня моего дух-хозяин - / усы-с проседью, / грозная сила, / крепкий Тэмизрийэ, / Аан Уххан / господин-дедушка! / [14. 99-102.].

В примере, *иччитэ* и *Аан Уххан Тойон эһэм* это обращения, а все остальные 18 строк являются распространенными определениями. На основе примера эпитета духа-хозяина огня рассмотрим способы связи определятельных конструкций обращений алгысов из олонхо.

1) Примыкающие определятельные конструкции обращений имеют следующие способы связи:

а) Параллельная связь с помощью **аффикса обладания** –лаах в постпозиции: *Уоттаах чох тэллэх+тээх, / Сымнаһас сыттык+таах, / Сылаас кул суорһан+наах ... / Аан Уххан тойон эһэм* ‘с постелью из

горящих углей, / с подушкой из мягкой золы, / теплой золой укрывающийся, / почтенный господин Аан Уххан’.

Как видно из современного олонхо “Элэс Боотур”, аффикс обладания –лаах прибавляется после каждой позиции в целой определительной конструкции: *дьяарбаннаах, тэлэхтээх, сыттыктаах, суорһаннаах, эстэриилээх, саһаһалаах, хататтаах*. Иногда аффикс –лаах опускается и становится нулевой формой. Например, в олонхо “Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта” Прокопия Ядрихинского в аналогичной конструкции эпитет *тэллэх, суорһан, сыттык* идет без аффикса –лаах: *Уол мас утэһэ+лээх, / Аһаах мас аһылык+таах, / Кураанах мас курум+наах, / Кул тэллэх, / Кобуорунньук суорһан, / Комор сыттык ... / ‘С припасом из сырых дров, / С едой из подгнивших дров, / С постелью из золы, / С одеялом из пепла, / С подушкой из сажи...’ [15. 47].*

Прибавление аффикса –лаах к эпитетам *тэллэх, суорһан, сыттык* можно объяснить созданием ритмики. Г.М. Васильев, затем Н.Н. Тобуроков и М.Н. Дьячковская основной ритмообразующий способ устного поэтического стиха определяют, как повторение одних и тех же морфологических форм, “образующихся в результате синтаксического параллелизма, когда одна и та же поэтическая мысль выражается сходными оборотами речи” [4. 32].

В обращениях алгыс примыкающие определения часто становятся сравнениями и употребляются с послелогом *курдук, саһа*: *Алаас сыһыы быһаһаһын саһа / Араһас таала холумтан дьяарбан+наах, ... / Эскэл тый быарын саһа / Эриэн таас эстэри+лээх, / Хаардаах бутул саһа / Хардан от саһаһа+лаах, / Кытылыыр сылгы баһын саһа / Кыалыктаах хатат+таах, / Суорба таас хайа саһа / Суостуганнаах суо-хаан / оһоххо дугуйдаммыт... ‘Величиной в половину поляны-алаас / с просторным ровным шестом, / Величиной с печени двухлетнего жеребца, / С кремнем пестрым, / Величиной с копну, покрытую снегом, / с растопкой из прошлогодней травы, / Величиной с голову четырехтравного коня / с огнивом в трутнице, / Величиной с отвесную скалу / в жаром обжигающем, / величаво-почтенном камельке осевший...’ [14.100]. Сравнительные конструкции определений подобного рода характерны для всего якутского фольклорного текста.*

б) **Примыканием нулевой формой** соединяются такие определения: *Кырыа Бытык, / Кыырык төбө, / Хатан Тэмизэрийэ, / Аан Уххан / Тойон эһэм! / ‘усы-с проседью, / грозная сила, / крепкий Тэмизэрийэ, / Аан Уххан / господин-дедушка!’ [14. 101].*

В олонхо ийэ олонхосута Н.П. Бурнашева “Девушка-богатырь Кыыс Дэбилэйэ” нулевую форму имеет вся определительная конструкция обращения: *Кул тэллэх, / Комор сыттык, / Куукэнньик суорһан, / Курул туһумэх, / Кыырык тобо, / Харыа чанчык, / Хахай саһыннаах, / Хатан Тэмизэрийэ, / Аал уотум иччитэ / ‘На золу, как на постель, укладывающийся, / угольки, как подушку, под голову кладущий, / пеплом, как одеялом, укрывающийся, / весело потрескивающий, / с грозной силой, / с висками-*

копотью, / огненно-рыжий, / крепкий Тэмизрийэ, / священного огня моего дух-хозяин' [16. 200]. Здесь мы видим эпитеты *тэлтэх, суорһан, сыттык* без аффикса –лаах и так называемые “темные места”, т.е. слова-архаизмы и сочетания-архаизмы: *Курул туһумэх, / Кыырык тобо, / Хатан Тэмизрийэ*. В определительных конструкциях обращений алгысов из олонхо “темные места” в основном фигурируют именно в примыкающих определениях с нулевым способом связью. Видимо, примыкание определений в алгысах из олонхо нулевой формой является наиболее древним способом связи. Особенна и исполнение подобного отрывка. В отличии от определительных конструкций, выраженных аффиксами –лаах, она читается речитативом.

в) Следующим способом связи определительных конструкций в обращениях алгыс становится аффикс причастия: *Суостуганнаах суо-хаан / Оһоһхо дугуйдам+мыт, / Аан дайдыны арчыл+ыыр* / Аал уотум иччитэ ‘В жаром обжигающем, / величаво-почтенном камельке осевший, / весь мир теплом своим согревающий, / живительного огня моего дух-хозяин’. Причастие прошедшего (–быт) и настоящего (–ар) времен “в якутском языке, будучи любым членом предложения (за исключением тех случаев, когда оно выступает в значении имени действия, деятеля или объекта действия), остается формой глагола, обладающей всеми его свойствами” [9. 53]. Поэтому в данном примере определения *Оһоһхо дугуйдам+мыт, / Аан дайдыны арчыл+ыыр* представляют собой законченное простое определенно-личное предложение, с предполагаемым подлежащим 3-го лица, единственного числа (в данном случае, это дух-хозяин огня).

Способность причастия обладать всеми свойствами глагола позволяет наслаивать определения друг на друга. Так, в обращениях к духу-хозяину огня встречаются определения с причастием в так называемых наложенных эпитетах-гирадах (*дьапталлыбыт* эпитет): *Ханас диэки оттуһэн / Сэттэ уонча бырданал+ыыр / Кыым кыргызтардаах, / Уна диэки оттуһэн / Тоһус уонча ойуол+уур / Уоттаах чох уолаттардаах / ... Аал уотум иччитэ* / ‘С левой стороны / Семь десять пляшущих / Искр-дочерей имеющий, / С правой стороны / Девяносто прыгающих / Угольков-сыновей имеющий / Дух-хозяин огня-живительного’ [17. 159]. Здесь определения, выраженные причастием *бырданал+ыыр, ойуол+уур* являются эпитетами к существительным *кыргызтар, уолаттар*, которые, в свою очередь, принимая аффикс обладания –лаах становятся определениями слова *иччи*. Таким образом, происходит наслаивание определений друг на друга, что образует сложную определительную конструкцию.

В определительной конструкции обращений количество слогов разное, однако особая интонация алгысчыта, которая регулируется именно повторением форм –лаах, –быт, –ар, послелогов *саһа* или *курдук* в синтаксическом параллелизме делает обращения алгысов ритмико-целостным. Именно повтор одинаковых форм, слов, сочетаний в

синтаксическом параллелизме наделяет обращение алгысов особым свойством, магическим значением.

2. Определения, выраженные причастием, функционируют в формульном сложном **изафетном сочетании** эпитета духа-хозяина огня типа: *Алаһа дьизэм / Алын киинэ буол+бут / Аал уотум иччитэ* ‘Родного дома моего / Ставший центром / Священного огня моего дух-хозяин’ [18. 78-81]. Здесь мы видим изафетные сочетания: *Алаһа дьизэ+м / Алын киинэ+э* и *Аал уот+ум иччи+тэ*. Оформление обращений притяжательной формой *алаһа дьизэ+м, аал уоту+м* является узальной формой обращения, которая приближает адресата и адресанта, устанавливает между ними тесную личную связь (19. 63-68). Сравните: *алаһа дьизэ алын киинэ буолбут аал уот иччитэ*. Кроме грамматического значения определения по признаку принадлежности кому-, чему-либо, притяжательная форма носит в себе коннотативное значение отношения говорящего к высказываемому. В языке алгыс подобное формульное изафетное сочетание выражает почтительное и искреннее отношение алгысчыта.

3) Для определительной конструкции обращений алгысов из олонхо характерно соединение **способом приложения**. Например, в рассмотренном нами ранее олонхо Н.П. Бурнашева “Девушка-богатырь Кыыс Дэбилийэ” приложением становится собственное имя духа-хозяина огня: *Кул тэллэх, / Комор сыттык, / Куукэнньик суорһан, / Курул туһумэх, / Кырык тобо, / Харыа чанчык, / Хахай саһынньах, / Хатаҥ Тэмизэрийэ, / Аал уотум иччитэ / - Аан Уххан Тойон эһэм!* ‘На золу, как на постель, укладывающийся, / угольки, как подушку, под голову кладущий, / пещом, как одеялом, укрывающийся, / весело потрескивающий, / с грозной силой, / с висками-копотью, / огненно-рыжий, / крешкий Тэмизэрийэ, / священного огня моего дух-хозяин / - Почтенный Аан Уххан Тойон!’ (16, из олонхо ийэ олонхосута Н.П. Бурнашева, с. 200).

В олонхо писателя Кюннюк Уурастыраа “Богатырь Тойон Джагарыма” перед приложением добавляется примыкающее определение с нулевой формой: *Алаһа дьизэм / Алын киинэ буолбут / Аал уотум иччитэ / - Бырда быттык, / Кырык тобо, / Лаба лабанха, / Хара буруо, / Хатаҥ Тэмизэрийэ, / Алган Баһырһас / Аан Уххан тойон эһэм* ‘Жилища родного / центром ставший, / дух-хозяин огня священного / - С высывывающимися усами, / С грозной силой / Весело потрескивающий, / С густым дымом, / Крешкий тэмизэрийэ, / Ярко возгорающий, / Почтенный Аан Уххан дедушка мой’ [18, с. 207-208]. Приложение уточняет член предложения *иччитэ* ‘дух-хозяин’, называя его собственное имя, а примыкающее к нему формульное определение еще включает в себе характеристику духа-хозяина огня. Следовательно, приложение алгысов выполняют две функции: название собственного имени духа-хозяина и его характеристика.

Таким образом, можно утверждать, что определительные конструкции обращений алгысов из олонхо соединяются примыканием

нулевой формой, с помощью аффикса имени обладания на –лаах и аффиксов причастия, формульными изафетными сочетаниями и приложением.

Определительные конструкции или художественно-образные определения являются доминирующими фактами синтаксиса якутского алгыса. Например, в наудачу взятом алгысе из олонхо Н.И. Степанова-Ноорой ‘Кюн Эрили’ выявлено всего 18 определительных конструкций с разными количествами слов, как в обращении, так и вне их. Среди них есть конструкции в 51, 34 слова – это, в основном, обращения с распространенными определениями и конструкции в 16, 10, 9, 6, слов, а также, простые определения в 3, 2, 1 слова: *тоһус уон ойууһут уолаттар; хотоммун ууһашыт Хотой Айыһытым; оттубут уотум*. Из всего 246 слов алгыса 174 слова входят в состав определительных конструкций, это составляет 72 % [17. 158-160], т.е. определительные конструкции носят доминирующий характер в языке алгыс из олонхо (см. таблицу).

	Кол-во всех слов	Кол-во определительных конструкций	Кол-во слов в определительных конструкциях	% слов в определительных конструкциях
Алгыс из олонхо	246	18	174	72 %
Алгыс ысыаха, записанный А.С. Порядиным. 1944 г	251	28	157	63 %
Современный алгыс духу-хозяину очага	124	14	80	63 %
Алгыс на современной свадьбе	160	34	72	45 %
Запевы танца - осуохай П.Ф. Тимофеева	296	53	133	45 %

В алгысе ысыах (ыһыах алгыһа), записанный А.С. Порядиным в 1944 г. процент определительных конструкций равняется 63 % [20]. В современном алгыс духу-хозяину очага этот процент также равен 63-м %. В Современном свадебном алгысе и хороводных песнях (осуохай) процент определительных конструкций – 45 % [7].

Наибольшее количество определительных конструкций в алгысах из олонхо встречается в обращениях. Наделяя божества и духов различными

регалиями, пышными эпитетами, алгысчыт выказывает свое почтение, трепетное отношение к ним. Поэтому, обращения в якутских алгысах часто выражают восторженно-почтительное отношение к кому- или чему-либо, чувство страха и преклонения и т.п. Это модальное значение обращений алгыс было сформулировано Н.Е. Петровым следующим образом: “Повторение ритмико-синтаксических единиц, составляющее основу якутской фольклорной стихотворной речи, придало новое значение обращениям-предложениям, которое можно назвать *восторженно-почтительным отношением*, высказываемое на биоэнергетическом уровне” [11. 192].

Торжественно-высокий стиль обращений алгыса достигается определительными конструкциями, которые часто носят постоянный, формульный и формулообразный характер. Следовательно, в алгысе для каждого божества и *духа-иччи* свойственна своя особая система характерных определений (которую мы рассмотрели на примере определительных конструкций эпитета духа-хозяина огня). Ведь из определений можно узнать место обитания описываемого божества, духа, их внешнее и характерологическое описание, получить информацию об их семье, окружении и т.д.

Таким образом обращения, усложненные сложными распространенными определительными конструкциями (эпитетами), передают: 1) модальное значение восторженно-почтительного отношения говорящего (алгысчыта); 2) структурно-композиционную функцию зачина алгыса; 3) художественно-образительную функцию описания объекта обращения; 4) их лексика носит скрытый, сакральный смысл. Все это делает стиль алгыса возвышенным, торжественно-поэтическим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Книга 2-я. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1976. 379 с.
2. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. Переиздание. Якутск: Бичик, 2008. 400с.
3. Васильев Г.М. Якутское стихосложение. Якутск: Якуткнигоиздат, 1965. 128 с.
4. Дьячкова М.Н. Аллитерация и рифма в якутской поэзии: проблемы эволюции и классификации. Новосибирск: Изд-во Сиб.отд., 1998. 153 с.
5. Васильев Г.М. Живой родник (об устной поэзии якутов). Якутск: Якуткнигоиздат, 1973. 303 с.
6. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск: Наука, 1990. 273 с.
7. Обрядовая поэзия Саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеев, П.Е. Ефремов, В.В. Илларионов. Новосибирск: Наука, 2003. 512 с. илл.+компакт диск (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, Т. 24).
8. Петров Н.Е. Олонхо – шедевр устного и нематериального наследия человечества: Сборник статей. Якутск: Изд-во якутского госуниверситета, 2009. 158 с.
9. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис / Е.И. Убрятова, Н.Е. Петров, Н.Н. Неустроев и др. Новосибирск: Наука. Сибирская издат. фирма

РАН, 1995. 336 с. 184

10. Ефимова Л.С. Поэтика алгыса якутов: эпитетация // Вестник Якутского государственного университета. Научный журнал. Том 5, № 3, июль-сентябрь, 2008. С. 81-87.

Петров Н.Е. Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. 288 с.

11. Якутско-русский словарь. 25300 слов. Под ред. П.А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 608 с.

12. Федорова В.С. Формулы якутского речевого этикета: автореф. дисс. канд. филол. наук. Якутск, 2003. 24 с.

13. Оготовев П.В. Элэс Боотур: Якутский героический эпос-олонхо. Якутск, 2002. 128 с.

14. Ядрихинской П.П. Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта: олонхо. Якутской: Кинигэ изд-та, 1981. 200 с.

15. Бурнашев Н.П. Девушка-богатырь Кыыс Дэбиллийэ. Новосибирск, 1993. 200 с.

16. Степанов-Ноорой Н.И. Кюн Эрили: олонхо. Якутск, 120 с.

17. Новиков-Кюннюк Уурастырап. Богатырь Тойон Джагарыма: олонхо. Якутск, 1959. 280 с.

18. Петрова Т.И. Родной мой якутский язык (задушевная мысль). Научно-популярное издание. Якутск: Бичик, 2006. 104 с.

19. Саха фольклора. Хомуурунньук / Сост. Д.К. Сивцев. Изд. 2-е. Новосибирск: Наука. Сиб. издат. фирма РАН, 1996. 336 с.

REZUME

MANCHURINA L.E. (Yakutsk)

STYLISTICS CONSTRUCTIONS OF ORAL POETIC SYNTAX YAKUT ALRYS: REFERENCES

References Yakut alrys as stylistics constructions of oral poetic syntax, ways of communication of its attributive constructions are characterized are considered, their statistical analysis is given.